

Умерла Алиса Георгиевна Коонен... Ушла из жизни великая трагическая актриса. Ее не стало в разгар работы над книгой воспоминаний. Как создавалась книга «Страницы из жизни», Алиса Георгиевна рассказала незадолго до смерти корреспонденту «Литературной газеты» К. Ляско.

На дачах старого, московского двухэтажного дома на Большой Бронной, что примыкает к Театру имени Пушкина, есть табличка: «Артистический вход». Я поднимаюсь на второй этаж, в квартиру, где уже долгие годы живет Коонен.

Из незаметной боковой двери, ведущей куда-то во внутренние покои квартиры, выходит приветливо улыбающаяся Алиса Георгиевна. И приглашает сесть, и садится сама и кладет на стол удивительные свои руки, живущие какой-то своей, особой жизнью. И заговаривает с вами, а вы, видя ее милую улыбку, слушая ее такой неслыханный по тембру, молодой голос, понимаете, что время (согласно которому — все врут календари! — вашей собеседнице будто бы исполнилось семьдесят) над истинным талантом не властно.

Я спросил, как возник у нее замысел книги.

— Потребность высказаться была у меня очень давно. Я с одиннадцати лет вела дневники. К сожалению, в годы войны сорок две тетради моих записей погибли...

Сейчас я очень благодарна журналу «Театр», заставившему меня взяться за книгу. Но я долго, не могла решить, в каком плане писать.

Сначала думала писать очерки о замечательных людях, с которыми я встречалась. Но сразу же почувствовала, что люди, оторванные от своего времени, от своей среды, выглядят плоскими. И как-то вечером, размышляя над раскрытой тетрадью и уже отбросив ряд вариантов, я медленно вывела самую простую строчку: «Я родилась на Долгоруковской улице...» И сразу нахлынул поток воспоминаний детства.

А дальше я писала, рассказывая. Мне кажется, я никогда бы не могла записать на магнитофон свои воспоминания. Я понимаю Ираклия Андроникова: ему для рассказа нужны живые слушатели. И я поступала так же: приходила молодая сотрудница журнала «Театр», записывала то, что я говорила, через некоторое время приносила мне расшифровку, я правила...

Так я и написала двадцать пять листов.

Должна сказать, что это была увлекательная работа, в которой я использовала свой актерский опыт: рассказывая о своих ролях, я их как бы снова проигрывала, вспоминала репетиции и спектакли, каждую реплику и мизансцену... Я никогда не уподоблялась тем актрисам, которые, кокет-

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Алиса КООНЕН

СЦЕНА — МОЯ СУДЬБА

«Оптимистическая трагедия». Комиссар — А. Коонен

ничая перед зеркалом, говорят: «Ах, как я сегодня скверно играла!.. Так скверно!..» Однако, переигрывая сейчас наново все свои роли, я вижу, что играла некоторые хорошо, и я этим горжусь, а некоторые могла бы сыграть лучше. Но это не мешает мне относиться к себе с уважением.

И еще считала своим долгом и обязанностью рассказать о Камерном театре, говорить не только о себе, но и о той атмосфере, которая окружала меня и в жизни, и на сцене.

— Алиса Георгиевна, мне показалось, что первые главы вашей повести написаны более живо, эмоциональнее, что ли.

— Это и не удивительно. В первой части я вспоминаю свое детство, юность, там больше лиризма; мир только открывается перед глазами.

Во второй части книги я говорю о спектаклях нашего театра, в которых нашли воплощение принципы Таирова-режиссера, о том, как мы с Александром Яковлевичем работали над каждой пьесой. Поэтому там уже поднимаются вопросы творчества, жизнь больше замыкается в работе, в стенах театра.

— Вспоминали ли вы реакцию зрителей?

— Очень интересны для актера непосредственные оценки зрителей. У меня хранятся тысячи писем.

Одно время у меня даже возникла идея сделать из этих писем книгу. Читая их, можно проследить, как от поколения к поколению менялись наши люди, как все глубже входило в их жизнь искусство.

— И что же с вашей идеей?

— Сейчас я должна закончить книгу воспоминаний. Надо писать статьи о Таирове, о Гельцер, об Эренбурге... Все надо, надо, надо! Когда все это делать? Я и так сплю мало, пишу только по ночам — не помогаю! Меня ужасно домогают. То звонят из Музея народов Востока. То звонит Людмила из булочной, чтобы я ей сказала, стоит ли ей быть актрисой...

А недавно позвонили из Бахрушинского музея, советовались насчет подписи к кожаной куртке.

— Да, да, вы угадали: той самой, в которой я играла Комиссара в «Оптимистической...». Я подарила ее музею. Боже мой, сколько мне самой рассказывали легенд об этой куртке!.. Александр Яковлевич хотел, чтобы спектакль был правдив вплоть до мелочей. На репетиции он приглашал военных моряков.

...Однажды один из морячков влетел со свертком под мышкой в зал и закричал: «Алиса Георгиевна! Нашел! Настоящую! Комиссаровскую — то, что вы хотели!..»

Дело в том, что мне моя героиня представлялась обязательно в кожаной куртке. И вот одному из морячков удалось раздобыть где-то такую, которая оказалась будто специально на мою фигуру.

...А все разговоры насчет того, что я чуть ли не сняла куртку с плеч какой-то реально существовавшей женщины-комиссара, — вздор, выдумки!

— Алиса Георгиевна, на днях я купил пластинку — вы читаете Блока...

— Да, в последние годы я много работала на радио. Сначала не любила микрофон, потом привыкла. Я сделала композицию спектакля «Мадам Бовари», записала несколько пластинок со стихами Блока, Тургенева, Пушкина. Кроме того, у меня было несколько творческих вечеров.

— Вот почему не дожила очередь до книги!

— Не совсем так. Два года я уже не выступала из-за того, что работала над книгой.

Я люблю труд. Я не признаю жизни без творческого труда. Для меня творчество — это уже до конца жизни.

Когда Алиса Коонен на устроенном в честь ее восьмидесятилетия творческом вечере в Доме актера в длинном черном платье величественно вышла на авансцену, зал в едином порыве поднялся. Она стояла, пристально вглядываясь в зал. В руках у нее были сигнальные экземпляры книги Таирова «О театре» и веер Ермоловой, когда-то подаренный Ермоловой Яблонкиной и уже много позднее, как эстафета, посланный в дар Коонен.